

— Мам, я хочу выучить заклинание третьего круга! То, чему учила раньше, уже слишком просто!

Было всего девять часов утра, но звонкий, хотя и слегка детский голосок Милли уже разнёсся по всему поместью семьи Родригес.

— Эй, Милли, в саду ведь еще работают люди! Ты же всех переполошишь!

Стоявшая рядом женщина в парадном аристократическом платье испуганно замахала руками и торопливо зажала Милли рот ладонью.

— Чего это тише-то? Разве это не наш дом?

Милли склонила голову набок и недоумевающе посмотрела на Карину.

— Смотри, в нашем доме живем не только мы с папой, здесь еще много служанок и тот добрый дядя-повар, который каждый день готовит тебе вкусности. Если мы помешаем им работать, это будет очень некрасиво с твоей стороны, Милли ~

Убедившись, что Милли больше не шумит, Карина смягчила голос и принялась мягко и ласково наставлять девочку.

Выслушав мать, Милли кивнула:

— Ладно, нельзя мешать другим. Тогда...

Милли замахала руками, знаком призывая маму наклониться поближе.

Карина послушно присела, и Милли шепнула ей прямо на ухо:

— Мам, я хочу выучить заклинание третьего круга...

— Чего? Третий круг? Да сколько тебе лет?! Помнится, твоя матушка освоила заклинания третьего круга только перед самым выпуском из Магической академии, и тогда меня называли первой красавицей и талантливицей всей академии! Милли, тебе всего двенадцать, неужели ты хочешь превзойти уровень, которого я достигла лишь в восемнадцать?

Карина умолчала о том, что тогда она выбилась из сил, пока разучивала Огненный шар — самый простой из всех заклинаний третьего круга, — а вовсе не то заклинание школы изменения собственной разработки, которое планировала изначально.

Вся сложность заклинания телепортации заключалась вовсе не в простом перемещении на определенное расстояние: для него требовалось перенести собственное тело в Эфирный план, пробыть там ровно минуту — базовую длительность заклинания, — а затем вернуться из эфирного мира в исходную точку, сместившись на то же расстояние, которое преодолел в эфире.

Именно поэтому телепортация по праву считалась одним из самых сложных заклинаний третьего круга: Карина и ее сокурсники по специальности за целый год исследований смогли успешно применить его всего лишь раз.

В эфирном мире все звуки и виды родного плана представляли в черно-белых тонах, а радиус обзора сокращался всего до двадцати метров. Если только кто-то на материальном плане не помогал тебе с помощью магических предметов, обладающих подобием истинного зрения, повлиять на происходящее или хотя бы разглядеть что-то в эфире было абсолютно невозможно.

Но перед ребенком, какими бы плохими ни были ее школьные оценки, признаваться в этом не хотелось.

— Мам, слишком громко...

Стоявшие неподалеку горничные и садовники от неожиданного крика Карины бросили свою работу и уставились на них.

Сообразив это, Карина мгновенно вспыхнула, залившись краской, точно провинившийся ребенок.

— Мама покраснела! Папа, посмотри!

В этот момент из внутреннего двора как раз проходил Камерон, и зоркая Милли первой заметила отца.

— Дорогой, меня снова обижает Милли! —

Завидев приближающегося мужа, Карина с разбега бросилась вперед и повисла у него на шее.

— Эх, взрослая женщина, а всё никак не дашь мне покоя...

Да, именно так выглядели будни семьи Родригес на протяжении последних двух лет.

С момента рождения Милли прошло уже двенадцать лет.

Два года назад Милли официально приступила к занятиям магией и фехтованием. Под руководством Карины девочка основательно заучила азы колдовства: от того, как правильно настраиваться на Плетение магии, до конкретных заклинаний и пассов.

Пусть качество обучения и оставляло желать лучшего — в конце концов, Карина в своем возрасте уже давно вернула все полученные знания учителям, которые, возможно, уже обрели покой в могиле, так что ей приходилось лишь слепо следовать букве гримуара, —

Милли все равно схватывала налету. За эти два года она полностью освоила все фокусы, записанные в маминой книге заклинаний, и даже овладела двумя заклинаниями второго круга — обнаружением мыслей и Туманным шагом.

С таким талантом — если не считать каких-нибудь редчайших чудовищ из древних легенд или прирожденных заклинателей вроде драконов — ее смело можно было назвать лучшей из лучших.

Что же до тренировок по фехтованию под началом Камерона, то здесь спуску не давалось. С собственной дочуркой Камерон вел себя совершенно иначе, чем в обычное время, когда он был мягким и любящим отцом: стоило ему взять в руки меч, как от него начинала исходить неповторимая, пронзительная и суровая аура.

Поначалу Милли совершенно не могла привыкнуть к этому ледящему душу ужасу, но...

— Милли, поле боя — это не детская забава. Если хочешь зайти далеко, ты обязана прочувствовать эту жестокость.

Так говорил Камерон.

В юном возрасте Милли, разумеется, не понимала смысла этих слов. Но поскольку таково было желание отца, маленькая Милли сцепила зубы и стерпела весь страх, исторгаемый этим боевым духом.

Теперь же, благодаря наставлениям Камерона, ее воля намного превосходила человеческую, а владение мечом поражало воображение. Каждый, кому доводилось видеть, как Милли упражняется с клинком, неизменно восклицал:

— Человеческий ребенок просто не способен на такое!

Правда, было в этом одно странное обстоятельство: будучи избранной богини магии — по крайней мере, официально числясь таковой, — Милли, помимо природного таланта, не обладала больше никакими выдающимися способностями.

Ведь каждый избранный богини магии на страницах истории одним взмахом руки вершил

потрясающие воображение дела; даже Самастер, сумевший смертным усилием ранить аватару могущественного божества, в свое время был избранным богини магии.

— Возможно, его догадка верна, и богиня магии уже не та, что прежде.

Всякий раз, перечитывая древние фолианты и видя описания подвигов великих магов, способных ворочать горы и осушать моря, Карина невольно вспоминала их ночной разговор с Камероном двенадцатилетней давности.

Череда происходящих событий заставляла ее верить в эту гипотезу все сильнее — хотя, пока не появятся неопровержимые доказательства, все это оставалось лишь догадками.

Вернемся в настоящее.

Камерон с легкой улыбкой подхватил бросившуюся на него жену, нежно похлопал ее по спине и аккуратно опустил на землю.

Хотя Карине перевалило за пятьдесят, то ли благодаря отличному уходу, то ли от природы безупречной внешности, она по-прежнему выглядела на три с небольшим — как молодая женщина, только что связавшая себя узами брака.

Когда они с Милли гуляли по улице, их то и дело принимали за сестер, а не за мать с дочерью, и каждый раз сердце Карине наполнялось тайной гордостью.

В конце концов, нет на свете женщины, которой было бы неприятно услышать, что она молодо выглядит.

Посмотрев на свою все такую же юную и прекрасную жену, Камерон улыбнулся и жестом показал ей, что сейчас есть дела поважнее.

Если присмотреться, Камерон сегодня и впрямь выглядел несколько иначе.

Обычно он носил дома в лучшем случае тренировочный меч, но на этот раз на его поясе красовался настоящий клинок. И пусть выражение лица оставалось привычным, висящий на поясе меч придавал ему неожиданную остроту, пусть даже его размеры казались несколько несоразмерными с крепкой фигурой самого Камерона.

Да и сам меч выглядел необычно: он был тоньше и изящнее стандартного боевого клинка, а его лезвие под лучами солнца переливалось ослепительным блеском.

— Пап, сегодня снова тренировка на мечях?

Увидев Камерона, Милли захлопнута еще великоватую для нее книгу заклинаний и вприпрыжку подбежала к отцу.

Проницательная Милли уже давным-давно заметила обновку на поясе отца.

— Папа же обычно пользуется двуручником, почему на этот раз он взял такой изящный меч? Дай-ка угадаю... —

Милли намеренно приняла театрально-восторженный тон:

— Он достанется мне, да?

Камерон любовно потрепал дочь по макушке:

— От тебя ничего не утаишь.

Он плавным движением извлек меч из ножен.

— Цзин!

Яркое солнце отразилось от клинка пронзительным холодом, и в тот момент, когда лезвие полностью выскользнуло из ножен, воздух рассек чистый и звонкий металлический звон.

— До чего же круто...

Милли была полностью покорена невероятной красотой оружия. Девочка закружилась вокруг отца, словно ребенок, получивший новую игрушку — впрочем, сейчас она и впрямь была всего лишь ребенком.

Хотя Милли уже два года занималась фехтованием с Камероном, кругозор у нее оставался детским, и все красивые вещи она оценивала неизменным «круто».

Заметив зачарованный взгляд дочери, Камерон вложил длинный меч в ножны, висевшие на поясе у Милли, а затем подхватил ее на руки.

— Дорогая, пойдём в спальню, нужно кое о чём поговорить, дело срочное.

Бросив взгляд на Карину, Камерон знаком позвал ее за собой и зашагал к жилым комнатам.

Догадываясь, о чем пойдет речь, Карина послушно последовала за ними.

<http://bllate.org/book/21072/2141484>